

Научная статья

УДК 304.2:81'26:811.1/9

doi: 10.17223/19996195/58/5

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЯЗЫКОМ ВСЕМИРНОГО ОБЩЕНИЯ И ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ И СОХРАНЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

**Владимир Михайлович Смокотин¹,
Светлана Константиновна Гураль²**

*^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ vladimirmokotin@yandex.ru

² gural.svetlana@mail.ru

Аннотация. Исследование взаимоотношений между языком всемирного общения и другими языками приобретает особую актуальность в настоящее время, когда глобализации приписываются определенные негативные аспекты современной действительности, а именно утрата природного и языкового разнообразия в различных регионах мира, в особенности в бывших колониях, которые обрели независимость в XX в. Цель статьи – исследовать особенности функционирования многоязычия в XXI в., когда в ходе глобализационных процессов иерархия языков мира претерпела коренные изменения в связи с преобразованием одного из наиболее распространенных языков мира в язык всемирного общения. Соответственно поставленной цели осуществлялся поиск ответов на ряд вопросов, связанных с сохранением этнокультурных идентичностей в условиях широкого распространения английского языка в мире и его проникновение во все сферы жизни и деятельности. Наиболее важными из этих вопросов являются следующие: 1) представляет ли язык всемирного общения независимую языковую разновидность English as a Lingua Franca (ELF) или проявляется в виде одного из национальных стандартов английского языка; 2) обладает ли язык всемирного общения культурной составляющей; 3) в чем заключается отличие глобальной культуры от этнических культур; 4) при каких условиях язык всемирного общения представляет угрозу языковому и культурному разнообразию планеты?

С трансформацией английского языка, как самого распространенного языка в международных отношениях, в язык всемирного общения выход этноса на уровень глобальных отношений требует расширения индивидуального языкового репертуара путем включения в него не только местных языков, но и языка всемирного общения. Согласно теории языкового и культурного империализма, доминирование крупных языков бывших колониальных империй ведет к лингвоциду, т.е. к гибели других языков. При этом важным фактором вытеснения языков является то, что вместе с усвоением доминирующих языков усваивается и их культурная составляющая. В результате этносы утрачивают свои языки и культуры. В ходе глобализации владение языком всемирного общения становится необходимостью для полноправного участия в жизни и деятельности современного мира. Однако, как показывает данное исследование, в качестве языка всемирного общения выступает не какая-либо национальная разновидность английского языка с присущей ей культурной составляющей, что влечет за собой навязывание чуждых этносу этнокультурных ценностей, а независимая язы-

ковая разновидность ELF, свободная от национальной культурной составляющей. Исследование также показывает, что язык всемирного общения действительно обладает культурной составляющей, а именно складывающейся глобальной культурой. Глобальная культура основывается на общечеловеческих ценностях и моральных принципах. Усвоение культурной составляющей языка всемирного общения не представляет угрозы национальным и этническим культурам. В ходе глобализационных процессов имеет место также возникновение множественных идентичностей, включающих в себя не только владение своей этнической культурой и этническим языком, но и владение другими языками, включая язык всемирного общения.

Установлено, что язык всемирного общения в настоящее время развивается как независимая языковая разновидность, свободная от культурной составляющей национальных разновидностей английского языка. Язык всемирного общения, однако, не лишен культурной составляющей, в качестве которой выступает глобальная культура. Универсальные ценности глобальной культуры не являются взаимоисключающими для национальных и этнических культур мира, и язык всемирного общения, как носитель глобальной, а не какой-либо этнической культуры, не представляет угрозы языковому и культурному наследию планеты.

Ключевые слова: многоязычие, языковое и культурное разнообразие, английский язык как средство всемирного общения, глобальная культура

Для цитирования: Смокотин В.М., Гураль С.К. Взаимоотношения между языком всемирного общения и другими языками и сохранение этнокультурных идентичностей // Язык и культура. 2022. № 58. С. 66–90. doi: 10.17223/19996195/58/5

Original article
doi: 10.17223/19996195/58/5

INTERRELATIONS BETWEEN THE LANGUAGE OF WORLDWIDE COMMUNICATION AND OTHER LANGUAGES AND PRESERVATION OF ETHNOCULTURAL IDENTITIES

Vladimir M. Smokotin¹, Svetlana K. Gural²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

¹ vladimirsmokotin@yandex.ru

² gural.svetlana@mail.ru

Abstract. The present research into the interrelations between the language of worldwide communication and other languages is getting particularly relevant at present when globalization is blamed for a number of negative aspects of contemporary realities, namely – the loss of natural and linguistic diversity in various regions of the world, and particularly in former colonies that acquired independence in the course of the 20th century. The author of this article put forward a goal to investigate the peculiarities of multilingualism functioning in the 21st century, when in the course of globalization processes the world's hierarchy of languages has undergone profound changes in connection with the transformation of one of the most widespread languages into the language of global communication. In accordance with the set goal, the author sought answers to a number of questions connected with preservation of

ethnocultural identities in the conditions of a wide spread of the English language in the world and its penetration into all spheres of contemporary life. The most important of these questions are as follows: 1) is the language of worldwide communication an independent language variety of ELF (English as a Lingua Franca), or does it manifest itself in the form of one of the national standards of the English language? 2) does the language of worldwide communication have a cultural component? 3) what is the difference of the global culture from ethnic cultures? 4) under what conditions does the language of global communication present a threat to the world's linguistic and cultural diversity?

With the transformation of English, as the most widespread language in international relations, into the language of worldwide communication a rise of an ethnic group to the level of global interrelations demands expanding of the individual language repertoire by means of inclusion of not only regional languages, but the language of worldwide communication as well. According to the theory of linguistic and cultural imperialism the domination of the few major languages of the former colonial powers leads to linguicide, that is to the death of other languages. With this, an important factor in ousting languages is the fact that together with the language acquisition one also acquires the new language's cultural component. As a result, ethnic groups lose their languages and cultures. In the course of globalization language skills in the language of worldwide communication become essential for full participation in the life and activities of the contemporary world. However, as the present research shows the language of worldwide communication does not appear as any of national varieties of the English language with its intrinsic cultural component, which leads to imposing alien ethnocultural values on a target ethnic group, but as an independent ELF variety, free from a national cultural component. The research also shows that the language of worldwide communication includes a cultural component, namely the emerging global culture. The global culture is based on values and moral principles common for all mankind. Acquiring the cultural component of the language of worldwide communication presents no threat to national and ethnic cultures. In the course of globalization processes there also takes place the emergence of multiple identities, which include not only their own ethnic cultures and languages, but other languages, including the language of worldwide communication.

The present research has revealed that the language of worldwide communication at present develops as an independent language variety, free from the cultural components of the national varieties of the English language. However, the language of worldwide communication is not deprived of the cultural component, which is represented by global culture. The universal values of the global culture and the values of the national and ethnic cultures of the world are not mutually exclusive. Thus, the language of worldwide communication, as a carrier of global and not any ethnic culture, presents no threat to the linguistic and cultural heritage of the world.

Keywords: multilingualism, linguistic and cultural diversity, lingua franca, the English language as a means of worldwide communication, global culture

For citation: Smokotin V.M., Gural S.K. Interrelations between the language of worldwide communication and other languages and preservation of ethnocultural identities. *Language and Culture*. 2022;58: 66-90. doi: 10.17223/19996195/58/5

Введение

Изменения в системе языков в конце XX в., которые привели к приобретению английским языком глобального статуса и возникновению языка всемирного общения как разновидности английского языка

в своем праве – English as a Lingua Franca (ELF), поставили перед исследовательским сообществом ряд вопросов, связанных с функциями языка всемирного общения и его воздействием на национальные языки и языки этносов.

В качестве объекта исследования в данной статье выбрано культурное и языковое воздействие языка всемирного общения на языки мира. Интерес к изучению особенностей взаимоотношения языков в новой иерархии мировых языков, сложившейся на рубеже XXI в., обусловлен малоизученностью возможных негативных последствий широкого распространения английского языка в международной коммуникации.

Актуальность данного исследования определяется необходимостью поисков путей сохранения и поддержания языкового разнообразия в мире и путей предотвращения этнокультурных конфликтов.

Целью данной работы является исследование особенностей функционирования многоязычия в XXI в., когда в ходе глобализационных процессов иерархия языков мира претерпела коренные изменения в связи с преобразованием одного из наиболее распространенных языков мира в язык всемирного общения. Для достижения поставленной цели авторам данной работы потребовалось найти ответы на следующие вопросы:

- 1) представляет ли язык всемирного общения независимую языковую разновидность ELF или проявляется в виде одного из национальных стандартов английского языка;
- 2) обладает ли язык всемирного общения культурной составляющей;
- 3) в чем заключается отличие глобальной культуры от этнических культур;
- 4) при каких условиях язык всемирного общения представляет угрозу языковому и культурному разнообразию планеты?

Методика исследования

В исследовании были использованы следующие методы, отвечающие принципу системного подхода к анализу рассматриваемых явлений:

- исторический, позволяющий определить место рассматриваемых явлений в общей социокультурной и языковой ситуации мира на различных этапах развития;
- лингвистический, который дает возможность определить влияние языковых явлений в период глобализации и становления английского языка в качестве языка всемирной коммуникации;
- компаративный, необходимый для определения специфики использования языков в качестве средств межъязыковой коммуникации в различных сферах общения;

– аналитический метод, позволяющий выявить особенности сложного взаимодействия языка и культуры, а также роли функционирования языков в многоязычном и поликультурном обществе;

– системный, который дает возможность выявить взаимосвязь различных языковых и культурных явлений и их комплексное влияние на межкультурную коммуникацию в период глобализации.

Методологической основой настоящего исследования послужили работы ученых в области многоязычия и языкового разнообразия [1, 2], в области изучения английского языка как средства международного общения [3, 4] и в исследованиях множественной идентичности и глобальной культуры [5–8].

Исследование

При описании языка как многофункционального явления исследователи выделяют ряд функций, среди которых в качестве основной называется коммуникативная, т.е. функция общения. Как писал Э. Сепир во «Введении в изучение речи» (1921), «язык есть чисто человеческий, неинстинктивный способ передачи мыслей, эмоций и желаний посредством системы специально производимых символов» [9. Р. 13]. В связи с ростом исследовательского интереса в конце XX в. к вопросам связи языков и культур, внимание было обращено на важность функции языка, связанной с отражением культурно-духовной самобытности носителей языка. В отечественной науке данная функция наиболее часто определяется как национально-культурная или этнокультурная. Н.Б. Мечковская в книге «Социальная лингвистика» пишет об «этнической функции», в которой язык выступает как фактор объединения и единства народа. Этноконсолидирующая функция, по ее мнению, является во многом символической, так как «процессы формирования этносов могут не совпадать с процессами дифференциации и интеграции языков» [10. С. 94–98]. Этот подход не может не вызвать возражения, так как утрата этнического или национального языка, как правило, ставит под угрозу дальнейшее существование данной этнической культуры или языка и может привести к утрате этнокультурной идентичности их носителей. Как показывает опыт изучения многоязычия, языки этносов сохраняются, несмотря на доминирование в многоязычных странах и регионах более крупных языков, как раз благодаря тому, что они выполняют важную функцию выражения этнокультурной самоидентификации [11], хотя их коммуникативная функция может быть сведена к общению весьма ограниченной по численности этнокультурной группы.

С возникновением языка всемирного общения выход этноса не только на уровень интранациональных, но и на уровень глобальных

отношений требует расширения индивидуального языкового репертуара путем включения в него не только регионального, но и языка всемирного общения. Необходимость в языке всемирной коммуникации в условиях глобализации и неудачи поисков альтернативных путей использованию английского языка в качестве глобального лингва-франка делают язык всемирного общения незаменимым средством преодоления межъязыковых и межкультурных барьеров. В отличие от других, даже крупных национальных языков и языков этносов, коммуникативная функция языка всемирного общения позволяет осуществлять международное сотрудничество между различными этнокультурными группами в масштабах всего земного шара. Широкое распространение языка всемирного общения вызывает опасения среди определенной части исследователей и политиков относительно его культурного и языкового воздействия на другие языки и культуры [1, 12, 13].

Согласно другой точке зрения, язык всемирного общения полностью лишен культурной составляющей, используется исключительно как средство глобальной коммуникации и не обладает функцией выражения культуры как этнические языки [13]. Необоснованность данных точек зрения заключается в том, что язык всемирной коммуникации или отождествляется с ведущими национальными вариантами английского языка, как в первом случае, что неизбежно приводит к воздействию их культурных составляющих, или, как во втором случае, за основу берется тезис о нейтральности английского языка, независимо от варианта, что не соответствует действительности.

Признание языка всемирного общения в качестве независимой языковой разновидности ELF на основе проекта Венского и Оксфордского университетов, VOICE, привело некоторых исследователей к выводу о наличии у языка всемирного общения культурной составляющей. К. Хюльмбауэр пришла к выводу о мультикультурной природе ELF, проявляющейся в международной коммуникации, которая в зависимости от региональных особенностей международных сообществ может различаться, так как говорящие создают различные маркеры идентичности [3. Р. 3–36]. Положение Хюльмбауэр о наличии в языке всемирного общения функции отражения культуры является важным шагом в изучении нового языкового явления в период глобализации. В то же время отрицание общности глобальной культуры и представление ее как набора региональных, локальных и индивидуальных культур противоречат понятию о всемирном языке как о новой языковой разновидности, свободной от национальных или региональных культурных составляющих. В отличие от национальных и этнических языков язык всемирного общения не имеет культурной составляющей, связанной с какой-либо конкретной национальной или этнической культурой, поэтому опасения за сохранение местных языков и культур из-за

воздействия языка всемирного общения являются необоснованными. Культурная составляющая языка всемирного общения обусловлена формированием в процессе растущей международной коммуникации в период глобализации глобального общества пользователей языка всемирного общения, образующегося на основе практических сообществ, использующих его в своей практической деятельности для осуществления регулярных международных контактов [4. Р. 236–245], и не ограниченного никакими географическими и политическими границами.

Споры о существовании глобальной культуры, которые И. Валлерстайн назвал «классическими эпистемологическими спорами» и которые, по его мнению, «блокируют наши интеллектуальные возможности, не позволяя разглядеть взаимосвязь интеллектуальных, моральных и политических аспектов структур познания», начались еще задолго до глобализации на рубеже XIX–XX вв. Валлерстайн указал на то, что отрицание глобальной культуры на основе утверждения о партикулярности всех явлений является необоснованным, так как не существует частных, которые можно было бы выразить или проанализировать вне универалистских категорий. «Глобальная культура, – заявил он, – так же реальна и прозрачна, как и любая так называемая местная культура» [14]. Понятие «глобальная культура» часто рассматривается с точки зрения противостояния глобальной культуры как результата доминирования западной цивилизации и национальных или местных культур. При этом подразумевается взаимоисключаемость этих культур. И.А. Вершинина утверждает, что в отличие от экономической и политической сфер, в которых сформировались единый рынок и универсальный мировой порядок, в культурной сфере имеет место контртенденция – желание вернуться к своим национальным истокам. Глобальная культура, по ее мнению, навязывает остальному миру ценности, характерные именно для нее, заставляя представителей других цивилизаций искать способы сохранения своей этнокультурной идентичности [15].

Подход к глобальной культуре периода глобализации как к культуре, подавляющей местные и национальные культуры и ведущей к их уничтожению, является дальнейшим развитием теории культурного империализма, основы которой были заложены в 1970-х гг. [16, 17]. Г. Шиллер определял культурный империализм как господство в культурно-коммуникативном секторе мировой капиталистической экономики средств массовой информации США, что приводит к одностороннему в своей основе потоку информации – от центра к периферии и навязыванию единого языка – английского [16]. С началом глобализации понятие о культурном империализме получило дальнейшее развитие в исследовании Дж. Томлинсона, который подверг критике подход к культурному империализму как империализму колониальной эпохи, основанному на принуждении. По мнению Томлинсона, действие куль-

турного империализма в настоящее время заключается в процессе не культурного навязывания, а утраты своей культуры в ходе распространения модернити, приводящей к изменению природы «ресурсов, посредством которых люди генерируют нарративы индивидуального и социального значения и цели» [17. Р. 173].

Определенная часть исследовательского сообщества в поисках ответа на вопрос о существовании глобальной культуры пошла по пути ее признания как явления, рассматривая ее при этом как «третью культуру» – результат гибридизации культур в ходе глобализации. Сторонники данного подхода обращают основное внимание на приспособление мировых культурных потоков к местным рынкам и приходят к выводу о том, что глобальная культура не представляет собой результат культурной гомогенизации. Так, У. Ханнерз отмечает, что глобальная культура «характеризуется скорее организацией разнообразия, чем репликацией однообразия» [15. Р. 237]. Подобных взглядов придерживаются также Б. Лингард, Ф. Ритцви и Р. Робертсон [6. Р. 25–44]. Однако так называемая третья культура, или глобальная культура, о которой говорят исследователи, представляет собой не глобальную культуру, а местную культуру в ходе приспособления внешних культурных потоков к местным предпочтениям.

Отрицание глобальной культуры или ее противопоставление национальным местным культурам как взаимоисключающего явления является необоснованным. Интеграционные процессы глобализации ведут не только к возникновению глобальных экономического и политического пространств, но и к становлению глобального культурного пространства и формированию глобальной культуры на основе ценностей, являющихся общими для всех мировых культур. Становление глобальной культуры происходит в процессе информационного и культурного взаимодействия на основе диалога культур, ведущего к углублению культурного саморазвития и взаимообогащения за счет освоения иного культурного опыта. Как пишет исследователь глобального культурного пространства П.А. Гончаров, «глобальное культурное пространство – это система взаимосвязанных региональных и локальных культурных пространств и пространственно организованных форм культур, объединенных общечеловеческими ценностями и моральными принципами, где трансформация одного элемента непосредственным образом отражается в характеристиках остальных элементов» [18].

В исследовании Гончарова глобальное культурное пространство рассматривается как новая цивилизация, имеющая пространственно-временное и символическое выражение. Пространственно-временное выражение глобального культурного пространства проявляется в том, что оно является результатом взаимосвязи и взаимозависимости прошлых и современных культур; а символическим выражением служат

транснациональные корпорации, глобальная информационная сеть Интернет, английский язык как язык международного общения, международные культурные, экологические, спортивные организации и организации социально-гуманитарного направления. Важным выводом в исследовании Гончарова является положение о том, что гармоничное формирование глобального культурного пространства возможно только на основе сохранения национальных культур.

С учетом вышесказанного глобальная культура представляет собой систему ценностей и моральных принципов, являющихся общими для всех национальных и этнических культур мира. Глобальная культура складывалась на протяжении истории, но ее становление значительно ускорилось с утверждением универсальных ценностей в уставе Организации Объединенных Наций (ООН) (1944) и Всеобщей декларации прав человека (1948). Провозглашение ООН ценностей мира, свободы, социального прогресса, равных прав и человеческого достоинства в 1940-х гг. представляло не описание существующей действительности, а признание основных универсальных ценностей, на основе которых мировое сообщество могло бы избежать разрушительных войн и социальных взрывов, вызванных, по словам К. Аннана, генерального секретаря ООН с 1997 по 2007 г., «конфликтными системами ценностей, которые позволяют лишать других человеческих существ сочувствия и солидарности из-за их религиозных или политических верований, культурного наследия или даже цвета кожи» [19].

Понимание основателями ООН понятия универсальных ценностей соответствует положению И. Берлина, согласно которому универсальные ценности – это ценности, которые являются общими для многих человеческих существ почти во все времена и в большинстве мест и ситуаций, независимо от того, выражены ли они сознательно и эксплицитно в их поведении [20]. Разработка универсальных ценностей ООН ее специализированными учреждениями и другими международными организациями продолжается до сих пор. В начале третьего тысячелетия Генеральная Ассамблея ООН в Декларации тысячелетия провозгласила следующие фундаментальные ценности, «существенные для международных отношений в XXI веке»: свобода, равенство, солидарность, толерантность, уважение к природе, совместная ответственность за управление мировым экономическим и социальным развитием и противодействие угрозам международному миру и безопасности.

Универсальные ценности глобальной культуры стали объектом изучения специально созданных исследовательских центров как, например, Института глобальной этики, основанного в США в 1990 г. Р. Киддером, и Центра глобальной этики (Global Ethic Foundation), основанного в Германии в 1995 г. профессором Х. Кюнгом. В начале 1990-х гг. Кюнг выступил с проектом «Глобальная этика» с целью опи-

сания всего, что является общим для религий мира, и составления минимального свода правил поведения, которые все могут принять. В результате работы над проектом в 1993 г. была опубликована Декларация глобальной этики, которую приняли религиозные и духовные лидеры мира в Чикаго на заседании Парламента всемирных религий. Декларация провозгласила четыре основных принципа, существенных для глобальной этики:

1. Преданность культуре ненасилия и уважения к жизни.
2. Преданность культуре солидарности и справедливости экономического порядка.
3. Преданность культуре терпимости и жизни в правдивости.
4. Преданность культуре равных прав и партнерства мужчин и женщин [21].

Из вышесказанного следует, что универсальные ценности, выражаемые глобальной культурой, не являются «чуждыми» для национальных и этнических культур мира, и язык всемирного общения, как носитель глобальной, а не какой-либо этнической культуры, не представляет угрозы языковому и культурному наследию планеты.

Разрешению противоречия между необходимостью языка всемирного общения и сохранением этнокультурных идентичностей препятствует приверженность значительной части исследователей и политических деятелей к традиционной парадигме в науке, отрицающей любую двусмысленность или неопределенность и требующей выбора только одной из оппозиций. Сложные явления как в природе, так и в науках о человеке не получают удовлетворительного объяснения на основе данной парадигмы, не позволяющей проявления одним и тем же объектом исследования взаимоисключающих свойств. В реальном мире, однако, антагонистические отношения часто принимают форму комплементарности, что согласуется с парадигмой сложности Э. Морена, в которой признается динамичный характер сложных процессов во вселенной, допускающий возможность сосуществования противоречий, которые усиливают и дополняют друг друга. Принцип дополнительности Н. Бора, который разрешил кризис в науке, возникший из-за необходимости признания двойственной природы явлений квантовой физики, и затем был успешно применен в других научных направлениях, вытекает из основных положений теории сложного мышления Морена, послужившей основанием смены научной парадигмы в XX в. Принцип дополнительности, в применении к сложным взаимоотношениям во всемирной системе языков, способствует выявлению несостоятельности рассмотрения языковых и культурных оппозиций как неразрешимых противоречий, допускающих выбор только одной из оппозиций при исключении другой.

Глобальная система языков, несмотря на кажущийся многоязычный хаос и неуправляемый характер свыше 6 тыс. языков, является от-

крытой, динамичной, самоорганизующейся системой, демонстрирующей отчетливое синергетическое поведение посредством дополнительной в поведении индивидуальных языков в мировой языковой сети. Согласно исследованиям голландского социолога А. де Сваана, языки мира представляют собой согласованную глобальную систему, связанную в единое целое многоязычными говорящими. Де Сваан обратил внимание на иерархическую структуру мировой системы языков, в которой, в зависимости от коммуникативной значимости, языки подразделяются на четыре группы. Самая большая группа языков – периферийная – используется лишь говорящими на этих языках, что определяет распространенное многоязычие членов этой группы. Другие языковые группы используются в качестве средств межъязыковой коммуникации на разных уровнях, но только четвертая группа – гиперцентральный, включающая лишь один язык – английский, обладает самым высоким потенциалом коммуникативности и используется для межъязыковой связи говорящих на всех языках мира [2. Р. 4–5].

Система языков мира, описанная А. де Свааном, является результатом изменений, произошедших в мире во второй половине XX в., которые привели к превращению английского языка во всемирный язык всеобщей коммуникации. В предшествующие эпохи, до возникновения необходимости в языках глобальной коммуникации, система языков мира находилась в стабильном состоянии, в котором важные функции международных отношений выполнялись несколькими языками. В конце XX в. стабильность мировой системы языков была нарушена с проникновением английского языка во все сферы международной деятельности, включая мировую дипломатию, научные исследования, культурные и туристические обмены, информационные технологии и средства массовой информации, что привело к радикальным изменениям в иерархии языков мира. Хаотическое состояние глобальной системы языков означает, что для поддержания ее сохранности (*sustainability*) и предотвращения массовой гибели языков и культур, система должна приспособиться к новым реалиям, состоящим в признании необходимости в языке всеобщей коммуникации и необходимости защиты языкового и культурного разнообразия [22. Р. 78].

В ходе глобализационных процессов конца XX в., которые привели к возникновению языка всемирного общения, традиционные взгляды на этнокультурную идентичность вошли в противоречие с реальностями новой глобальной системы языков и информационной революции. Глобализация значительно ускорила процессы не только экономической, но и языковой и культурной интеграции и создала условия для формирования нового типа личности, открытой для множества культурных влияний и обладающей идентичностью, не ограниченной рамками одной этнокультурной группы. Описывая такую личность,

Дж. Уолш указывал, что «универсальный человек» не устраняет культурные различия, а стремится сохранить самое значительное и ценное в каждой культуре как путь к культурному обогащению и созданию единого целого [23]. П. Эдлер в статье о культурной идентичности писал, что «новый вид личности, взгляды которого на мир простираются далеко за границы собственной культуры, развивается из комплекса социальных, политических, экономических и образовательных взаимодействий нашего времени» [7. Р. 24–41]. Такая личность обладает, по мнению Эдлера, всеми качествами, необходимыми для того, чтобы способствовать контактам между культурами.

Исследователи 1960–1970-х гг., описавшие появление людей нового типа с плюрикультурной идентичностью, в то же время отмечали их исключительность как личностей, которые могут действовать в качестве связующих звеньев между различными культурными системами. С ускорением глобализационных процессов в конце XX в. и возникновением информационного общества многоязычие и поликультурность, как аспекты индивидуальной идентичности личности, перестали быть исключением в странах с высоким уровнем глобализации. Согласно данным Евробарометра (Eurobarometer), периодически издаваемого Европейской комиссией с 1973 г. обзора общественного мнения и данных о тенденциях развития в различных сферах жизни Европы, к концу XX столетия до 50% граждан Евросоюза могли говорить на иностранном языке, а с 2001 по 2005 г. число европейских граждан, владеющих иностранным языком, возросло с 47 до 56% [24]. В процессе роста и укрепления Европейского союза (ЕС) воспитание и формирование многоязычной и поликультурной личности становятся приоритетом, о чем свидетельствует ряд решений Европейского парламента и Совета, начиная с принятия в 1996 г. концепции непрерывного обучения в течение жизни для развития основных компетенций, включая языковую компетенцию [25].

В Европе, имеющей историю государств-наций и еще не полностью освободившейся от одноязычного менталитета, установление многоязычия и толерантности к другим культурам потребовало целенаправленной языковой и культурной политики с целью сохранения и поддержания языкового и культурного разнообразия и этнокультурных идентичностей. В масштабах всей планеты беспрецедентный рост международных контактов на волне глобализационных процессов сопровождался языковой и культурной глобализацией, в ходе которой английский язык в статусе языка всемирного общения значительно расширил свое влияние и стал доминировать во всех сферах международных отношений. В связи с этим спрос на языковые навыки и умения на английском языке привел к превращению преподавания английского языка в странах, где английский язык не является государственным, в

многомиллиардный бизнес. Так, в Индии английский язык изучается не только 249 млн учащихся всех уровней обучения в национальной системе образования, но и в частных школах английского языка для взрослых, где, по данным Британского Совета и компании по исследованию рынков Ipsos Mori, рынок образовательных услуг составляет 450 млн долл. США в год [26. Р. 11–12]. В Китае спрос на платное обучение английскому языку в частных школах, особенно в крупных городах, непрерывно возрастает. С 2005 по 2010 г. рынок образовательных услуг в этой сфере вырос в 2 раза и достиг 300 млн юаней, или 4,5 млрд долл. США в год [26. Р. 78–81].

Широкое распространение английского языка в статусе языка всемирного общения и культурные влияния, имеющие место в ходе языковой и культурной глобализации, вызывают неоднозначное отношение среди исследователей, политических деятелей и широких масс мировой общественности. С одной стороны, спрос на английский язык обусловлен объективными процессами интеграции в общее экономическое пространство, требующее единого языка. С другой стороны, опасения за судьбы национальных языков и культур предоставляют благоприятную почву для превращения взглядов Р. Филлипсона и Т. Скотта-Кангаса на языковой геноцид в национальных образовательных системах в общепринятую точку зрения (*conventional wisdom*), представляющую традиционный образ мыслей. Термин *conventional wisdom* (дословно «конвенциональная мудрость»), т.е. «общепринятая мудрость», был использован экономистом Дж. Гэлбрейтом в книге *The Affluent Society* («Общество изобилия») в 1958 г. при описании идей, часто противоречащих результатам научных исследований, но принимаемых в обществе за истинные по причине умственной инерции [27. Р. 6–18].

Отрицание комплементарности отношений языковых и культурных противоречий – между языком всемирного общения и остальными языками, между универсальными ценностями складывающейся глобальной культуры и системами этнокультурных ценностей, между глобальной или региональной идентичностью и этнокультурными идентичностями – приводит к положению об их неразрешимости и к неизбежности отмирания всех языков и культур в процессе языковой и культурной унификации и стандартизации с единственной альтернативой культурной изоляции. Принцип дополнительности Н. Бора, однако, который впервые был применен для разрешения кризиса в квантовой механике, а позднее был использован для объяснения комплементарности противоречивых явлений во многих сферах человеческой деятельности, позволяет разрешить и языковые и культурные противоречия века глобализации. Согласно принципу дополнительности, отношения между языковыми и культурными противоречиями не должны рассматриваться как неразрешимые, допускающие только выбор «или,

или», а как комплементарные, позволяющие одновременный выбор «и, и». При комплементарности отношений противоположности не только не отрицают, но, напротив, поддерживают и усиливают друг друга.

Комплементарные отношения между языками и культурами широко распространены и обычно описываются исследователями с использованием понятийного аппарата диглоссии. Дж. Фишмэн, расширивший применение понятия «диглоссия» для описания двуязычия, при котором функциональные сферы разделены между неродственными языками [28. Р. 29–38], рассматривал диглосные отношения как неравноправные. Использование Фишмэном и другими исследователями диглосных отношений терминологии «высокие и низкие функциональные сферы» не только подчеркивает их неравноправность, но и предполагает возможность языкового сдвига и утраты одного из языков в случае нарушения стабильности двуязычия, когда языки начинают соперничать из-за контроля над функциональными сферами.

Этнокультурная идентичность в результате контактов с внешними влияниями, согласно другому исследовательскому направлению, может подвергнуться изменению, ведущим к созданию новой культуры и новой этнокультурной идентичности. Как пишет индийский исследователь Ч.Л. Синг [29]: «расширяющееся коммуникационное пространство открыло путь к глобальным коммуникационным процессам, в которых происходит обмен знаниями, ценностями, этикой, эстетикой и жизненными стилями, что приводит к возникновению третьей культуры». Автор выражает мнение о том, что изменение культурной идентичности под влиянием социальных, политических и экономических факторов может быть и положительным и отрицательным. Он предупреждает, что при отсутствии контроля за культурными влияниями, «информационные бури виртуального пространства приведут к уничтожению внутренне присущих культурных идентичностей и ценностей из-за дезориентации» [29].

При описании аккультурационных процессов века глобализации признание флуидности (изменчивости) культур и этнокультурных идентичностей, ведущей к возникновению новых культур и культурных идентичностей, несомненно, более точно объясняет явления языковой и культурной глобализации по сравнению с положениями теорий языкового и культурного империализма, предполагающими статичную природу культуры языков, что ведет к их гибели при контакте с доминирующей культурой. Данный подход, однако, оставляет открытым вопрос о сохранности этнокультурных идентичностей, включающих наиболее важные компоненты – языки и системы ценностей. Результаты взаимодействия языков и культур и проблемы этнокультурных идентичностей в век глобализации наиболее точно передаются на основе понятия множественных идентичностей, позволяющего объяснить

комплементарность противоречивых языковых и культурных явлений и роль этнокультурных идентичностей в современном многоязычном и плюрикультурном мире. При этом, как указывает Б. Бейли, американский исследователь множественных идентичностей американцев различных расовых и этнических групп, различные аспекты множественной идентичности в основном проявляются посредством языка как «символа идентичности и средства конструирования и выражения локальных социальных значений» [30]. Так, на примере множественной идентичности американцев доминиканского происхождения Бейли показал, что в отличие от доминиканцев частью множественной идентичности доминикано-американцев является владение англоязычными навыками и умениями, которые используются не только в качестве средства общенациональной коммуникации, но и как один из способов общения в своей этнокультурной группе наряду с испанским языком [30. Р. 190].

Концепция множественной идентичности легла в основу построения многоязычной и поликультурной Европы и может быть использована в международных отношениях при согласовании языковой и культурной политики государств с целью сохранения и поддержания языкового и культурного разнообразия в условиях становления всемирного языка и глобальной культуры. Различные аспекты множественной идентичности проявляются ситуативно, что позволяет ее носителю одновременно ощущать себя членом своей этнической группы, гражданином своего государства и обладать региональной и глобальной идентичностями. Исторически множественная идентичность была характерным явлением многих многоязычных и поликультурных обществ, например арабоязычного населения Северной Африки, множественная идентичность которых включает, наряду с этнической и национальной, также общеарабскую идентичность. В век глобализации, в условиях беспрецедентного увеличения международных контактов как в реальном, так и виртуальном пространствах, множественные идентичности стали повсеместным явлением. Наглядным примером эффективного использования понятия «множественная идентичность» является развитие концепции европейской идентичности как множественной идентичности, складывающейся из этнических, национальных и общеевропейских компонентов.

Европейская идентичность, как часть множественной идентичности европейцев, является относительно новым понятием, отражающим постепенный рост осознания европейцами своей общности в ходе интеграционных процессов, начавшихся в послевоенное время, которые привели к созданию Европейского экономического сообщества в середине 1950-х гг. В 1973 г. министры иностранных дел девяти государств – членов Европейского сообщества опубликовали «Декларацию европей-

ской идентичности» с целью «достичь лучшего определения своих отношений с другими странами и своих ответственностей и места, которое они занимают в международных делах». Авторы Декларации заявили, что «единство является европейской необходимостью для обеспечения выживания цивилизации, которая является общей для европейцев». Определение европейской идентичности, как указывалось в Декларации, основывается на «общем культурном наследии, общих интересах и специальных обязательствах государств-членов и степени единства, достигнутого в Сообществе» [31. Р. 118–122]. После вступления в силу в 1993 г. Маастрихтского договора о создании Европейского союза, европейская интеграция достигла новой ступени. Из экономической организации Союз постепенно эволюционирует в наднациональное объединение. В настоящее время ЕС включает в себя 27 государств. В рамках ЕС действует единый рынок на основе таможенного и валютного союзов (с единой европейской валютой). Происходит развитие и укрепление наднациональных органов – Комиссии, Европейского парламента и Европейского суда; введен институт европейского гражданства.

Дискурс европейской идентичности возник на рубеже XX–XXI вв. в связи с кризисом, вызванным отвержением конституционного договора французскими и голландскими избирателями в 2005 г. и проблемами осуществления согласованной финансовой, экономической и внешней политики. Оппозиция Договору о введении общеевропейской конституции показала, что многие европейцы еще не преодолели традиционного менталитета, основанного на жестких культурных границах, и не осознавали себя гражданами нового наднационального объединения. Несмотря на то, что в ходе создания Европейского союза одновременно происходило развитие новой европейской идентичности с общими ценностями и символами (флагом, гимном и девизом), национальные идентичности, как части множественных идентичностей европейцев, продолжали преобладать. Так, согласно данным международного исследовательского проекта «Молодежь и европейская идентичность», среднее значение индекса национальной идентичности составляет 2,60, что превышает среднее значение индекса европейской идентичности 2,18 (при максимальных значениях индексов равных 4) [32. Р. 15–18]. Исследователи предложили ряд рекомендаций по способствованию развитию европейской идентичности, главными из которых были повышение эффективности языкового образования, а также мобильности в профессиональной и образовательных сферах, поддержка программ туристического обмена [32. Р. xiv–xv].

Множественная идентичность европейцев является следствием противоречивых усилий европейского общества, направленных на создание сверхнационального единства со статусом мировой державы при сохранении и дальнейшем развитии государств-наций. Голланд-

ские исследователи европейской идентичности Д. Джейкобс и Р. Майер выделили в развитии Европейского союза три проекта, в ходе осуществления которых происходит изменение осознания европейцами своих идентификаций. Первый проект, непосредственно ведущий к созданию и укреплению европейской идентичности, направлен на преобразование ЕС в наднациональное объединение, представляющее собой политическое, экономическое и культурное единство, способное соперничать с Соединенными Штатами и утверждать европейские интересы в новом мировом порядке. Второй проект, подчеркивающий социальный характер будущей Европы и направленный на защиту прав человека, демократию и борьбу против социального неравенства, частично согласуется с первым, который рассматривается как условие для его реализации. Однако третий проект нацелен на защиту традиционной системы государств-наций и даже на их укрепление в XXI в., что ведет к сохранению и поддержке национальных идентичностей европейцев. Авторы данного исследования приходят к парадоксальному выводу: несмотря на то, что третий проект противостоит в своей чистой форме объединению Европы, тем не менее, формирование новой идентичности в значительной степени зависит от членства в одном из европейских государств-наций, что ведет к «возникновению новой формы европейской идентичности, выходящей за границы традиционных национальных идентичностей» [33. Р. 13–34].

Дискурс множественных идентичностей в Европе в настоящее время вызывает значительный исследовательский интерес. При этом особое внимание уделяется не только изучению объективных характеристик европейских и национальных идентичностей (ценностей, истории, этничности и т.д.), но и изменениям самоидентификации европейцев, т.е. предпочтению, отдаваемому европейцами при определении своей принадлежности к городу, нации, региону или Европе. В ходе интеграционных процессов произошло изменение отношения к противоречию между европейской и национальной идентичностями. Как указывает М. Брутер, автор исследований европейской идентичности, «множественные идентичности не только совместимы для большинства граждан, но и коррелируют положительно. Вместо напряженности между национальными и европейскими идентичностями, напротив, чем более гражданин чувствует себя бельгийцем или итальянцем, тем больше (а не меньше) он чувствует себя европейцем» [34. Р. 1148–1179]. Положение о комплементарности европейской и национальной идентичностей признается и авторами сборника «Европейская идентичность. Теоретические перспективы и эмпирические догадки (insights)», опубликованного в 2006 г. «Во множественной идентичности, – пишет один из авторов данного сборника, В. Шойбл, – европейская идентичность не противоречит национальной идентичности, не

соперничает с ней; напротив, они дополняют друг друга как две стороны одной и той же монеты» [8. Р. 8].

Европейская идентичность включает в себя систему ценностей, являющихся общими для всех европейцев, хотя девиз ЕС – «единство в разнообразии» – и отражает языковое и культурное разнообразие народов Евросоюза. Наиболее подробно общие ценности ЕС были описаны в Статьях I-1 и I-2 Конституционного договора от 2004 г. Согласно данным статьям, общими европейскими ценностями являются человеческое достоинство, свобода, демократия, равенство, верховенство закона, уважение к правам человека, права меньшинств, свободный рынок. Страны – члены ЕС также декларируют следующие принципы: плюрализм, отсутствие дискриминации, толерантность, справедливость, солидарность, равенство полов.

Языковые и культурные компоненты европейской идентичности основаны на принципах многоязычия и плюрикультурности. После расширения ЕС в 2004 г. в основном за счет стран Восточной Европы, европейское многоязычие все более принимает форму двуязычия, в котором вторым языком европейцев становится английский как наиболее распространенный язык в Европе и мире. Признание английского языка в качестве общего языка Европы становится все более очевидным как на уровне наднациональных органов ЕС, так и на уровне массового межъязыкового и межкультурного общения, что отражается в преобладающем использовании английского языка в рекламных объявлениях телевизионного канала *Euronews*, вещающего на нескольких языках, включая русский.

Поликультурный компонент европейской идентичности отражает принятие культурных различий между этническими группами, основанное на толерантности и уважении других языков и культур и признании их права на существование как общего культурного наследия. Наряду с культурными различиями в процессе построения объединенной Европы происходит формирование общеевропейской культуры, которая является частью европейской идентичности. Понятие общеевропейской культуры получило признание относительно недавно. Политика мультикультурализма, проводимая руководящими органами ЕС в 1990-е гг., была направлена на поддержание культурных границ с целью избежания культурной ассимиляции и сохранения этнокультурных идентичностей. В Столке в работе по культурным границам в Европе предупреждала, что общеевропейская культура приводит к расизму и ксенофобии [35. Р. 24]. Однако в начале третьего тысячелетия поиски универсальных ценностей привели к признанию общеевропейской культуры как части европейской идентичности. Исследователь вопросов, связанных с общей европейской культурой, К. Оборуне, указывает на то, что, несмотря на национальные культурные различия в Европе,

имеет место общая европейская культура, «корни которой одинаковы для всех европейских наций... Европейская культура не является исключительно продуктом нашего времени. Ее основные характеристики складывались в течение сотен лет. Современные европейские ценности формировались в Древней Греции, римской цивилизации, христианстве и Ренессансе» [36. Р. 5]. О важности построения общей европейской культуры указывалось еще в Декларации о европейской идентичности от 1973 г. В пункте 3 раздела I министры иностранных дел – авторы Декларации – писали: «Разнообразие культур в рамках общей европейской цивилизации, приверженность общим ценностям и принципам, растущая конвергенция отношений к жизни, осознание общности интересов и решимость принять участие в строительстве объединенной Европы – все это придает европейской идентичности ее оригинальность и свой собственный динамизм [31].

Дискурс языкового и культурного разнообразия и сохранения этнокультурных идентичностей в глобализационных процессах неизменно включает языковую и культурную гомогенизацию и нередко представляет в эксплицитной или имплицитной формах отрицательную роль английского языка как всемирного языка глобальной коммуникации во взаимодействии с местными культурами и языками. Французский лингвист К. Ажеж обращает внимание на то, что доминирование английского языка в настоящее время значительно усилилось в виду технологического прогресса, позволяющего с помощью спутниковой связи почти моментально распространять культурную продукцию англофонов в мире: «Эти новые средства передачи информации ставят человечество перед грозным риском обеднения (*un risque redoutable d'appauvrissement*) из-за исчезновения большого числа языков под давлением английского языка и для его выгоды» [37. Р. 159].

Рассмотрение взаимоотношений языка всемирного общения и возникающей глобальной культуры с языками и культурами планеты как неразрешимого противоречия, с учетом объективности и системного характера глобализационных процессов, неизбежно ведет к положению об уничтожении этнокультурных идентичностей и приводит к кризису в языковой и культурной политике на всех уровнях, включая крупнейшие международные организации и объединения. С одной стороны, необходимость всемирного языка всеобщей коммуникации обуславливает дальнейший рост влияния английского языка и англоязычной культуры в мире. С другой стороны, попытки противодействовать распространению английского языка путем языковой и культурной изоляции, способствования индивидуальному многоязычию и обеспечения межъязыковой коммуникации альтернативными средствами, включая искусственные языки и высокие технологии машинного перевода, не приносят желаемых результатов.

Путь разрешения противоречия между всемирным языком глобализации и языками и культурами планеты заключается в признании комплементарности их отношений на основе принципа дополнительности. Множественная идентичность, как индивидуальная, так и коллективная, в век глобализации включает, наряду с этнокультурной идентичностью, национальную, региональную, локальную и глобальную идентичности. Множественные идентичности актуализируются ситуативно и вовсе не исключают друг друга. Угроза сохранению этнокультурных идентичностей возникает в тех случаях, когда различные идентичности в рамках множественной идентичности ставятся в условия соперничества, ведущего к вытеснению одной или нескольких идентичностей. При разделении функциональных ролей между языками и культурами как составляющими множественных идентичностей создаются условия для равновесия и стабильности всемирной системы языков, ведущие к сохранению языкового и культурного разнообразия планеты. Владение английским языком как языком всемирного общения не означает отрицание других языков и культур, а разделение функциональных ролей. При этом в рамках стабильного многоязычия индивидум использует язык всемирного общения при осуществлении межъязыковой и межкультурной коммуникации, национальный язык – для обеспечения доступа к беспрепятственному участию в общественной жизни страны и свой родной язык – для общения на уровне своей семьи и собственной этнокультурной группы.

Европейское законодательство предусматривает создание условий для поддержки языкового и культурного разнообразия на основе принципа субсидиарности (*subsidiarity*), заключающегося в том, что основной язык используется на местном уровне только в тех случаях, когда местный язык не может быть использован эффективно. Принцип субсидиарности не является новым и представляет собой одну из характеристик федеральной формы правления. В законодательстве ЕС субсидиарность была впервые закреплена в Маастрихтском договоре от 1993 г. Однако использование принципа субсидиарности для защиты языковых прав меньшинств является новым явлением. А. Бастардас-Боада в статье о глобальной модели языковой экологии объяснил следующим образом применение принципа субсидиарности в области языковой коммуникации: принцип субсидиарности утверждает, что «более глобальный язык не должен делать того, что может делать локальный язык. Данный критерий способствует массовому пониманию других языков, признавая функциональную исключительность (*pre-eminence*) языка большинства» [38. Р. 16].

В условиях глобализации, ведущей к значительному возрастанию межъязыковых и межкультурных коммуникаций в мире на основе новых средств связи, имеет место рост разнообразия форм культурного выбора при одновременном увеличении влияния доминирующих язы-

ков и культур. С возникновением языка всемирного общения создаются условия для сохранения и поддержки этнокультурных идентичностей на основе многоязычия, в котором язык всемирного общения играет роль средства межъязыкового и межкультурного общения. В функции языка всемирного общения английский язык утрачивает статус иностранного языка и используется как важное средство общения, хранения и передачи информации и познания мира. Характерной чертой языка всемирного общения является его нейтральный характер, т.е. в отличие от иностранных языков, тесно связанных с культурой и складом мышления своих носителей, носителями языка всемирного общения становятся массы людей, использующие его как свой второй язык, свободный от каких-либо узких этнокультурных особенностей.

Всемирная система языков как открытая, динамичная, самоорганизующаяся система с превращением английского языка в язык всемирного общения приобретает стабильность. Язык всемирного общения при этом упорядочивает синергетический хаос и поддерживает многоязычие, предоставляя средство преодоления языковых и культурных барьеров. Индивидуальное многоязычие само по себе недостаточно для обеспечения беспрепятственной межъязыковой и межкультурной коммуникации без существования языка глобального общения, так как даже при высокой степени индивидуального многоязычия и отсутствии языковых навыков в языках более широкого общения, цель преодоления межъязыковых барьеров не может быть полностью осуществлена.

Принятие языка всемирного общения в качестве посредника в государственном и мировом многоязычии влечет за собой необходимость в языковой и культурной политике, обеспечивающей развитие индивидуального многоязычия на основе создания благоприятной среды для построения общих мировых образовательного, культурного, языкового и научного пространств. Целенаправленная языковая политика и языковое планирование на уровне отдельных государств и на уровне международных отношений должны иметь целью создание множественных индивидуальных идентичностей при обеспечении условий сохранения их этнокультурных компонентов.

Заключение

Таким образом, взаимоотношение языка всемирного общения с другими языками мира отличается комплементарностью на основе дополнительности. При этом английский язык, как гиперцентральный язык, представляет собой независимую языковую разновидность, свободную от культурной составляющей в виде одного из национальных стандартов. В функции языка всемирного общения английский язык является носителем глобальной культуры, универсальные ценности ко-

торой не вступают в противоречие с национальными и этническими культурами мира.

Условием сохранения этнокультурных идентичностей в новой системе мировых языков является разделение функций: язык всемирного общения используется для обеспечения преодоления межъязыковых и межкультурных барьеров во всем мире. Соответственно, другие языки используются в функциях, обеспечивающих национальную и этнокультурную идентичность. Английский язык в функции языка всемирного общения, однако, может представлять угрозу языковому и культурному разнообразию мира в случае его проникновения в сферы, служащие для обеспечения национальных и этнокультурных идентичностей.

Список источников

1. *Nettle D., Romaine S.* Vanishing Voices: the Extinction of the World Languages. Oxford : Oxford University Press, 2000.
2. *De Swaan A.* Words of the World. The Global Language System. Cambridge : Polity, 2001.
3. *Hülmbauer C.* The relationship between lexicogrammatical correctness and communicative effectiveness in English as a lingua franca // Views. 2007. Vol. 16, № 2. P. 3–36.
4. *Seidlhofer B.* Common ground and different realities: World Englishes and English as a lingua franca // World Englishes. 2009. Vol. 28, № 2. P. 236–245.
5. *Hannerz U.* Cosmopolitans and Locals in World Culture (1990) // Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity / eds. by M. Featherstone et al. London : Sage Publications, 1996.
6. *Robertson R.* Glocalization: Time-space and Homogeneity-heterogeneity (1995) // Global Modernities / eds. by M. Featherstone et al. London : Sage, 2002. P. 25–44.
7. *Adler P.* Beyond Cultural Identity: Reflections on Multiculturalism // Culture Learning / ed. by R. Brislin. East-West Center Press, 1977.
8. *Schäube W.* Preface // European Identity. Theoretical Perspectives and Empirical Insights / eds. by I.P. Karolewski, V. Kaina. Berlin : LIT Verlag, 2006.
9. *Sapir E.* An Introduction to the Study of Speech. Mineola, NY : Dover Publications, 2004.
10. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика. М. : Аспект-Пресс, 2000.
11. *Смокотин В.М.* Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных коммуникативных барьеров в современном мире. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010.
12. *Skutnabb-Kangas T.* Linguistic Genocide in Education – or World-wide Diversity and Human Rights? Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum, 2000.
13. *Phillipson R.* English-only Europe? Challenging Language Policy. London : Routledge, 2003.
14. *Валлерстайн И.М.* Глобальная культура – спасение, угроза или миф? URL: <http://old.politicalstudies.ru/universum/dossier/01/wall02.htm> (дата обращения: 12.02.2022).
15. *Вершинина И.А.* Глобальный мир – глобальная культура? // Сборник материалов конференции «Современная наука – 2009». Прага, 2009.
16. *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. М., 1980.
17. *Tomlinson J.* Cultural Imperialism: a critical introduction. L. : Continuum International Publishing Group, 1991.

18. **Гончаров П.А.** Глобальное культурное пространство : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь : Изд-во СГУ, 2009.
19. **Annan K.** Universal Values – peace, freedom, social progress, equal rights, human dignity – acutely needed // United Nations Information Service. SG/SM/9076. 2003. 15 December.
20. **Jahanbegloo R.** Conversations with Isaiah Berlin. McArthur & Co, 2007.
21. **Küng H.** Towards a Global Ethic: An Initial Declaration. Chicago : CPWR, 1993.
22. **Gural S., Smokotin V.** Synergetics Aspects: Language, Culture, Multilingualism // European Journal of Natural History. 2009. № 1. P. 76–79.
23. **Walsh J.** Intercultural Education in the Communication of Man. Honolulu : The University of Hawaii Press, 1973.
24. **Europeans** and their Languages. Fieldwork: November-December // Special EUROBAROMETER. 2005. № 243.
25. **European** Parliament and Council Decision No. 95/2493/EC of 23 October 1995 establishing 1996 as the European Year of Lifelong Learning // Official Journal L256. 1995. 26 October.
26. **Demand** for English Language Services in India and China. L. : British Council, Ipsos Mori, 2009.
27. **Galbraith J.K.** The Affluent Society. Boston, MA : Houghton Mifflin Harcourt, 1998.
28. **Fishman J.** Bilingualism with and without diglossia: diglossia with and without bilingualism // Journal of Social Issues. 1967. Vol. 32, № 2. P. 29–38.
29. **Singh Ch.** New media and cultural identity // China Media Research. 2010. 1 January.
30. **Bailey B.** The Language of Multiple Identities among Dominican Americans // Journal of Linguistic Anthropology. 2000. Vol. 10, № 2. P. 190–223.
31. **Declaration** on European Identity. Adopted at the Copenhagen European Summit of 14 and 15 December 1973 // Bulletin of the European Communities. 1973. № 12. P. 118–122.
32. **Final Report.** Orientations of Young Men and Women to Citizenship and European Identity / L. Jamieson (Project Coordinator). Edinburgh (UK) : University of Edinburgh, 2005.
33. **Jacobs D., Maier R.** European Identity: construct, fact and fiction // A United Europe. The Quest for a Multifaceted Identity / eds. by M. Gastelaars, A. de Ruiter. Maastricht : Shaker, 1998.
34. **Bruter M.** Winning Hearts and Minds for Europe: News, Symbols and European Identity // Comparative Political Studies. 2003. Vol. 36, № 10. P. 1148–1179.
35. **Stolcke V.** Talking Culture. New Boundaries. New Rhetorics of Exclusion in Europe // Current Anthropology. 1995. Vol. 36, № 1.
36. **Oborune K.** Common European Culture and Citizenry. Riga : University of Latvia, 2007.
37. **Hagége C.** L'enfant aux deux langues. P. : Editions Odile Jacob, 1996.
38. **Bastardas-Bouda A.** Towards a global model of linguistic ecology // Catalan International View. 2010. № 5. P. 14–17.

References

1. Nettle D., Romaine S. (2000) Vanishing Voices: the Extinction of the World Languages. Oxford: Oxford University Press.
2. Gural S., Smokotin V. (2009) Synergetics Aspects: Language, Culture, Multilingualism // European Journal of Natural History, 1. pp. 76-79.
3. Hülmbauer C. (2007) The relationship between lexicogrammatical correctness and communicative effectiveness in English as a lingua franca // Views. Vol. 16 (2). pp. 3-36.
4. Seidlhofer B. (2009) Common ground and different realities: World Englishes and English as a lingua franca // World Englishes. Vol. 28 (2). pp. 236-245.
5. Hannerz U. (1996) Cosmopolitans and Locals in World Culture // M. Featherstone et al. (eds.). Global Culture: Nationalism, Globalization and Modernity. London: Sage Publications.

6. Robertson R. (2002) Glocalization: Time-space and Homogeneity-heterogeneity // M. Featherstone et al. (ed.) *Global Modernities*. London: Sage. pp. 25-44.
7. Adler P. (1977) *Beyond Cultural Identity: Reflections on Multiculturalism* // R. Brislin (ed.). Culture Learning. East-West Center Press.
8. Schäube W. (2006) Preface // I.P. Karolewski; V. Kaina (eds.). *European Identity. Theoretical Perspectives and Empirical Insights*. Berlin: LIT Verlag.
9. Sapir E. (2004) *An Introduction to the Study of Speech*. Mineola, N.Y.: Dover Publications.
10. Mechkovskaya N.B. (2000) *Sotsialnaya lingvistika [Social linguistics]*. M.: Aspekt-Press.
11. Smokotin V.M. (2010) *Mnogoyazychiye i problemy preodoleniya mezhyazykovykh i mezhkulturnykh kommunikativnykh baryerov v sovremennom mire [Multilingualism and the problems of overcoming interlingual and intercultural communicative obstacles in the modern world]*. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University.
12. Skutnabb-Kangas T. (2000) *Linguistic Genocide in Education – or World-wide Diversity and Human Rights?* Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum.
13. Phillipson R. (2003) *English-only Europe? Challenging Language Policy*. London: Routledge.
14. Wallerstein I.M. *Globalnaya kultura – spaseniye, ugroza ili mif? [Global culture – salvation, threat, or myth?]*. URL: <http://old.politicalstudies.ru/universum/dossier/01/wall02.htm> (Accessed: 12.02.22).
15. Vershinina I.A. (2009) *Globalnyi mir – globalnaya kultura? [Global world – global culture?]* // Collection of materials of the Conference “Contemporary Science”. Prague.
16. Shiller G. (1980) *Manipulyatory soznaniyem [Manipulators of consciousness]*. M.
17. Tomlinson J. (1991) *Cultural Imperialism: a critical introduction*. London: Continuum International Publishing Group.
18. Goncharov P.A. (2009) *Globalnoye kulturnoye prostranstvo [Global cultural space]*. Abstract of Philosophy cand. dis. Stavropol.
19. Annan K. (2003) *Universal Values – peace, freedom, social progress, equal rights, human dignity – acutely needed* // United Nations Information Service. SG / SM / 9076.
20. Jahanbegloo R. (1991) *Conversations with Isaiah Berlin*. McArthur & Co.
21. Kűng H. (1993) *Towards a Global Ethic: An Initial Declaration*. Chicago: CPWR.
22. De Swaan A. (2001) *Words of the World. The Global Language System*. Cambridge: Polity.
23. Walsh J. (1973) *Intercultural Education in the Communication of Man*. Honolulu: The University of Hawaii Press.
24. *Europeans and their Languages. Fieldwork: November-December (2005)* // Special EUROBAROMETER, 243.
25. European Parliament and Council Decision No. 95/2493/EC of 23 October 1995 establishing 1996 as the European Year of Lifelong Learning (1995) // Official Journal L256.
26. *Demand for English Language Services in India and China (2009)*. London: British Council, Ipsos Mori.
27. Galbraith J.K. (1998) *The Affluent Society*. Boston, M.A.: Houghton Mifflin Harcourt.
28. Fishman J. (1967) Bilingualism with and without diglossia: diglossia with and without bilingualism // *Journal of Social Issues*. Vol. 32 (2). pp. 29-38.
29. Singh Ch. (2010) *New media and cultural identity* // China Media Research.
30. Bailey B. (2000) *The Language of Multiple Identities among Dominican Americans* // *Journal of Linguistic Anthropology*. Vol. 10 (2). pp. 190-223.
31. *Declaration on European Identity. Adopted at the Copenhagen European Summit of 14 and 15 December 1973 (1973)* // *Bulletin of the European Communities*, 12. pp. 118-122.
32. *Final Report. Orientations of Young Men and Women to Citizenship and European Identity (2005)* / L. Jamieson (Project Coordinator). Edinburgh (UK): University of Edinburgh.

33. Jacobs D., Maier R. (1998) European Identity: construct, fact and fiction. // M. Gastelaars & A. de Ruiter (eds.). A United Europe. The Quest for a Multifaceted Identity. Maastricht: Shaker.
34. Bruter M. (2003) Winning Hearts and Minds for Europe: News, Symbols and European Identity // Comparative Political Studies. Vol. 36 (10). pp. 1148-1179.
35. Stolcke V. (1995) Talking Culture. New Boundaries. New Rhetorics of Exclusion in Europe // Current Anthropology. Vol. 36 (1).
36. Oborune K. (2007) Common European Culture and Citizenry. Riga: University of Latvia.
37. Hagège C. (1996) L'enfant aux deux langues. Paris: Editions Odile Jacob.
38. Bastardas-Boada A. (2010) Towards a global model of linguistic ecology // Catalan International View. 5. pp. 14-17.

Информация об авторах:

Смокотин В.М. – доцент, доктор философских наук, профессор кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических специальностей, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050). E-mail: vladimirmokotin@yandex.ru

Гураль С.К. – доктор педагогических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050). E-mail: gural.svetlana@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Smokotin V.M. – D.Sc. (Philosophy and Culture), Associate Professor, National Research Tomsk State University (Lenin Ave., 36, Tomsk, Russia, 634050). E-mail: vladimirmokotin@yandex.ru

Gural S.K. – D.Sc. (Education), Professor, National Research Tomsk State University (Lenin Ave., 36, Tomsk, Russia, 634050). E-mail: gural.svetlana@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 18.03.2022; принята к публикации 04.05.2022

Received 18.03.2022; accepted for publication 04.05.2022